

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА
въ мѣсяцъ 1 и 15 чиселъ
каждаго мѣсяца, въ объемѣ не
менше 2½ печатныхъ листовъ.

ГОДЪ
XXIV.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
въ Редакціи при Екатерино-
славской Семинаріи. Цѣна
изданію съ доставкою 6 руб.
серебр.

1-го Ноября № 21 1895 года.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

Указъ Святѣйшему Правительствующему Синоду.

Рожденіе Ея Высочества Княжны Ирины Александровны пове-
лѣваемъ праздновать въ 3-й день іюля, а Тезоименитство въ 5-й
день мая.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“

Въ Царскомъ Селѣ
23 сентября 1895 г.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СІНОДА.

*Г. Отъ 27 сентября—4 октября 1895 года за № 2912, по Высо-
чайшему повелѣнію о празднованіи дня рожденія и тезоименитства
Ея Высочества Княжны Ирины Александровны.*

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Прави-
тельствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Синодальнымъ
Оберъ-Прокуроромъ, отъ 25-го минувшаго сентября за № 5688,
Именной Высочайшій указъ, состоявшійся въ 23-й день того же
мѣсяца. о празднованіи дня рожденія Ея Высочества Княжны

Ирины Александровны въ 3-й день іюля, а тезоименитства въ 5-й день мая. Приказали: О Высочайшемъ повелѣніи Его Императорскаго Величества праздновать рожденіе Ея Высочества Княжны Ирины Александровны въ 3-й день іюля, а тезоименитство въ 5-й день мая увѣдомить всѣ подвѣдомственные Святѣйшему Синоду мѣста и лица печатными указами, съ препровожденіемъ при оныхъ составленнаго въ Святѣйшемъ Синодѣ дополненія къ таблицы высокаторжественныхъ и вѣкторіальныхъ дней.

Дополненіе 1-е къ таблицы Высокаторжественныхъ и Вѣкторіальныхъ дней, напечатанной по опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 15—19 ноября 1894 года.

Іюля 3-го Рожденіе Ея Высочества, Княжны ИРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

Мая 5-го Тезоименитство Ея Высочества, Княжны ИРИНЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

Г. Отъ 6—28 сентября 1895 г. за № 2689, объ изданіи программъ по предметамъ курса шестиклассныхъ епархіальныхъ женскихъ училищъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 3 августа сего года за № 736, журналъ Учебнаго Комитета, № 252, съ заключеніемъ Комитета, о составленныхъ, во исполненіе Синодальнаго опредѣленія отъ 29 ноября—8 декабря 1893 года за № 3554, программахъ по предметамъ курса шестиклассныхъ женскихъ училищъ. Приказали: Разсмотрѣвъ представленныя Учебнымъ Комитетомъ программы и объяснительныя къ онымъ записки, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) программы эти утвердить; 2) поручить Хозяйственному Управленію сдѣлать распоряженіе о напечатаніи какъ программъ, такъ и объяснительныхъ къ онымъ записокъ, въ потребномъ количествѣ экземпляровъ, и разсылкѣ ихъ въ совѣты епархіальныхъ женскихъ училищъ для руководства при преподаваніи учебныхъ предметовъ; 3) поручить епархіальнымъ преосвященнымъ имѣть

особбе попеченіе, чтобы, при преподаваніи церковно-славянскаго языка въ означенныхъ училищахъ, было обращено вниманіе не только на изученіе грамматическихъ формъ, но главнымъ образомъ на пріученіе воспитанницъ къ правильному, ясному, раздѣльному и вразумительному чтенію текста церковно-богослужебныхъ книгъ и, для сего, возможно чаще, упражнять ихъ въ чтеніи означенныхъ книгъ, какъ во время классныхъ занятій, такъ особенно при богослуженіяхъ, и 4) предоставить начальствамъ женскихъ училищъ духовнаго вѣдомства рекомендовать училищнымъ преподавателямъ пользоваться, въ предѣлахъ существующаго въ означенныхъ училищахъ курса, упомянутыми программами; о чемъ и напечатать въ журналѣ „Церковныя Вѣдомости“.

Списокъ лицъ, кои Всемилостивѣйше пожалованы въ 1-й день іюля 1895 г: за заслуги по духовному вѣдомству медалями съ надписью „за усердіе“: для ношенія на шеѣ:

Золотою на Станиславской лентѣ

староста Александровской церкви с. Васильево-Петровскаго, Ростовскаго уѣзда, урядникъ Василій *Еремьевъ*.

Серебряными на Станиславской лентѣ:

староста церкви Святыхъ Апостоловъ при Екатеринославской духовной семинаріи, Екатеринославскій 2-й гильдіи купецъ Николай *Мирошниченко*; учитель Ростовской на Дону соборной церковно-приходской школы, изъ окончившихъ курсъ въ Полтавскомъ духовномъ училищѣ, священнической сынъ Иванъ *Яновскій*.

УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Указъ 2-го Департамента Правительствующаго Сената на имя Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 19 сентября 1895 г. за № 11752. по вопросу о правѣ сельскихъ обществъ открыть у себя, вмѣсто существующей земской школы, школу церковно-приходскую.

Обстоятельства этого дѣла слѣдующія:

Николаевское и Кувыкинское, Саратовской губерніи, сельскія общества въ 1890 г. составили приговоры, коими постановили:

находящіяся въ ихъ селеніяхъ земскія школы закрыть и сборы на содержаніе ихъ и жалованье учителямъ прекратить, помѣщенія же школъ передать въ распоряженіе мѣтнаго священника для церковно-приходской школы, открытія въ нихъ духовно-нравственныхъ собесѣдованій, склада книгъ и пр. Приговоры эти мотивированы были, какъ затруднительностію для крестьянъ, въ виду неурожайныхъ лѣтъ, содержать дорогія земскія школы, такъ и—главнымъ образомъ—тѣмъ, что открытая мѣтнымъ священникомъ о. Р. церковно-приходская школа крестьянамъ ничего не стоитъ, да и по характеру обученія болѣе подходитъ къ требованію крестьянъ, чѣмъ земская, ибо въ церковно-приходской школѣ обученіе идетъ успѣшно, обращается преимущественное вниманіе на духовно-нравственную сторону воспитанія и учатъ по такимъ книгамъ, которыя соотвѣтствуютъ исконной наклонности русскаго челоѣка ко всему церковному.—Приговоры эти Саратовское очередное земское собраніе препроводило на распоряженіе мѣтнаго уѣзнаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Последнее, по провѣркѣ приговоровъ на мѣстѣ и по допросѣ должностныхъ лицъ крестьянскихъ обществъ, постановившихъ приговоры, признало оныя незаконными,—на томъ основаніи, что приговоры постановлены по предметамъ, вѣдѣнію сельскихъ сходовъ неподлежащимъ, и что, кромѣ того, они противорѣчатъ постановленію тѣхъ-же обществъ объ ассигнованіи суммъ на содержаніе именно земскихъ школъ. Вслѣдствіе этого, уѣзное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе подвергло крестьянъ, участниковъ схода денежному штрафу каждаго, а мѣстныхъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, допустившихъ составленіе незаконныхъ приговоровъ, приговорило къ аресту на 7 дней каждаго.—Это постановленіе уѣзнаго присутствія было утверждено, какъ правильное, и Саратовскимъ губернскимъ присутствіемъ. На такое рѣшеніе губернскаго присутствія сельскіе старосты П. и Г. принесли жалобы въ Правительствующій Сенатъ, ходатайствуя объ отмѣнѣ наложеннаго на нихъ взысканія. Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла при участіи: Министра Народнаго Просвѣщенія, Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода и Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Правительствующій Сенатъ нашель, что предметъ онаго составляетъ жалоба бывшихъ сельскихъ старостъ дер.

Кувыки П. и Г. на постановленіе Саратовскаго губернскаго присутствія, коимъ оставлена безъ послѣдствій жалоба просителей на опредѣленіе бывшаго Саратовскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, объ арестованіи на 7 дней каждаго за составленіе Кувыкинскимъ сельскимъ обществомъ приговора о прекращеніи общественнаго сбора за содержаніе начальнаго училища и объ открытіи, вмѣсто такового, церковно-приходской школы, причемъ просители въ жалобѣ своей Правительствующему Сенату объясняютъ, что ихъ общество постановило упомянутый выше приговоръ въ виду того, что церковно-приходская школа болѣе соотвѣтствуетъ ихъ нуждамъ и потребностямъ, нежели земское начальное училище. Принимая во вниманіе: 1) что, на основаніи п. 8 ст. 51 Общ. Пол. о крест., въ дѣнію сельскаго схода, между прочимъ, подлежатъ совѣщанія и ходатайства объ обученіи грамотѣ, изъ чего, несомнѣнно, слѣдуетъ, что Кувыкинское сельское общество имѣло законное право обсуждать на сельскомъ сходѣ вопросъ о цѣлесообразности открытія церковно-приходской школы, вмѣсто земскаго начальнаго училища и 2) что рѣшеніемъ Правительствующаго Сената 11 января 1891 г за № 148 разъяснено, что сельское общество, по измѣнившимся обстоятельствамъ, имѣетъ право прекращать назначенный сборъ на содержаніе школы, въ виду чего Кувыкинское сельское общество вправѣ было признать, что церковно-приходская школа болѣе соотвѣтствуетъ ихъ нуждамъ и потребностямъ, и прекратить общественный сборъ на содержаніе начальнаго училища,—Правительствующій Сенатъ находитъ, что Саратовское губернское присутствіе, подвергнувъ просителей взысканію за составленіе Кувыкинскимъ сельскимъ обществомъ правильнаго, съ формальной стороны, приговора по дѣлу, предоставленному закономъ въ дѣнію сельскаго схода, поступило неправильно. Имѣя, засимъ, въ виду, что, за призваніемъ состоявшагося по сему дѣлу постановленія неправильнымъ по отношенію къ просителямъ, такое постановленіе не можетъ быть оставлено въ силѣ и по отношенію къ другимъ должностнымъ лицамъ и крестьянамъ, подвергнутымъ губернскимъ присутствіемъ взысканію за составленіе таковыхъ же приговоровъ, и, въ виду вышеизложенныхъ соображеній, Сенатъ, 21 марта 1895 года, опредѣлилъ: обжалованное сельскими староста-

ми П. и Г. постановление Саратовскаго губернскаго присутствія отмѣнить, во всемъ его объемѣ, поручивъ сему присутствію постановить по сему дѣлу новое, не стѣняясь прежнимъ, постановленіе.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Выражена признательность Епархіальнаго Начальства: обществу прихожанъ села Карнауховскихъ хуторовъ, Екатеринославскаго уѣзда, за ремонтъ приходской церкви на ихъ средства, стоимостью 1100 руб.; прихожанамъ Покровской церкви села Ивановки, Александровскаго уѣзда, земскому начальнику 5-го участка, Александровскаго уѣзда, Николаю Андреевичу Ключникову и священникамъ Димитрію Постриганеву и Евгенію Пясецкому—первымъ за пожертвованіе 2550 р. на благоуукрашеніе храма Покровской церкви с. Ивановки и устройство ограды, и второму за приглашеніе прихожанъ къ таковому пожертвованію, и послѣднимъ двумъ за пастырскую заботливость о нуждахъ храма.

Подписки обратившихся къ Православной Церкви.

Я, нижеподписавшаяся, дѣвица, Дриссенская, Витебской губерніи мѣщанка Гени Янкелева Сокольская симъ изъявляю рѣшительное желаніе присоединиться къ св. православной восточной греко-россійской церкви и обѣщаніе пребывать въ послушаніи ея неизмѣнно до конца жизни. Въ чемъ и подписуюсь Гени Янкелева Сокольская.

1893 года апрѣля 23 дня. Я, нижеподписавшійся, аптекарскій помощникъ Мордухъ Давидовъ Рутерь іудейскаго закона, симъ изъявляю мое искреннее желаніе присоединиться къ св. православной греко-россійской церкви и обѣщаніе быть въ послушаніи ея неизмѣнно до конца жизни. Аптекарскій помощникъ Мордухъ Давидовъ Рутерь.

1895 года апрѣля 27 дня. Я, нижеподписавшійся, запасный рядовой изъ крестьянъ Самарской губерніи, Николаевскаго уѣзда,

Дмитріевской волости, села Богдановки, Тимофей Степановъ Вѣткинъ, молоканской секты, симъ изъявляю рѣшительное намѣреніе присоединиться къ православной католической восточной церкви и обѣщаніе пребывать въ послушаніи ея всегда неизмѣнно. Запасной рядовой изъ крестьянъ села Богдановки Николаевского уѣзда Тимофей, а по крещеніи Николай Степановъ Вѣткинъ.

1895 года мая 6 дня. Я, нижеподписавшійся, Радомской губерніи, Опатовскаго уѣзда, города Островца, мѣщанинъ Моисей Хиршманъ, 16 лѣтъ, симъ изъявляю, что я принимаю православную христіанскую вѣру добровольно и съ полнымъ разумѣніемъ и убѣжденіемъ и обѣщаюсь симъ письменнымъ обязательствомъ, что неизмѣнно пребуду истиннымъ членомъ св. православной восточно-католической греко-россійской церкви до конца моей жизни. Въ истинѣ чего собственноручно подписуюсь мѣщанинъ Моисей Хиршманъ.

1895 года марта 18 дня. Я, нижеподписавшаяся, мѣщанка города Таганрога, области Войска Донскаго, Елисавета Августова Потапова (урожденная Гартенъ) римско-католическаго вѣроисповѣданія, симъ изъявляю рѣшительное намѣреніе присоединиться къ православной католической восточной церкви и обѣщаніе пребывать въ послушаніи ея всегда неизмѣнно. Елисавета Августовна Потапова.

1895 года марта 31 дня. Мы нижеподписавшіеся Ростовскаго округа, Батайской волости, села Койсуга, крестьянинъ Петръ Емельяновъ Самболенко и жена его Агафія Пудова со всѣмъ своимъ семействомъ даемъ сію подписку причту Успенской церкви с. Койсуга Ростовскаго округа въ томъ, что мы отрекаемся отъ прежнихъ заблужденій и даемъ клятвенное обѣщаніе исповѣдывать догматы св. православной вѣры и хранить воей ихъ чистотѣ въ полномъ согласіи съ ученіемъ святой церкви и неимѣть никогда и никакого общенія съ людьми пномыслящими, въ чемъ подписуемся Петръ Емельяновъ Самболенко и жена его Агафія Пудова, а за неграмотныхъ, по ихъ личной просьбѣ, росписался крестьянинъ Андрей Степановъ Чистяковъ.

1895 года марта 31 дня. Мы, нижеподписавшіеся, Ростовскаго округа, Батайской волости, селенія Койсуга, крестьяне Иванъ Афанасьевъ Целещукъ и жена его Ксенія Васильева со всѣмъ своимъ семействомъ даемъ сію подписку причту Успенской церкви с. Койсуга, Ростовскаго округа въ томъ, что отрекаемся отъ прежнихъ заблужденій и даемъ клятвенное обѣщаніе исповѣдывать догматы святой православной вѣры и хранить во всей ихъ чистотѣ въ полномъ согласіи съ ученіемъ святой церкви и не имѣть никогда никакого общенія съ людьми иномыслящими въ чемъ подписуемся Иванъ Афанасьевъ Целещукъ и жена его Ксенія Васильева, а за неграмотныхъ по ихъ личной просьбѣ росписался крестьянинъ Андрей Степановъ Чистяковъ.

1895 года марта 31 дня. Я, нижеподписавшіеся, Ростовскаго округа, Батайской волости, села Койсуга, крестьянинъ Емельянъ Евдокимовъ Остапенко со всѣмъ своимъ семействомъ даемъ сію подписку причту Вознесенской церкви села Койсуга, Ростовскаго округа въ томъ, что отрекаемся отъ прежнихъ заблужденій и даемъ клятвенное обѣщаніе исповѣдывать догматы святой православной вѣры и хранить во всей ихъ чистотѣ въ полномъ согласіи съ ученіемъ святой церкви и не имѣть никогда и никакого общенія съ людьми иномыслящими. Въ чемъ подписуемся крестьянинъ Емельянъ Остапенко, а за неграмотнаго по просьбѣ росписался крестьянинъ Захарій Кондратовъ Эсауленко.

Редакторъ И. д. Секретаря Консисторіи Александръ Ванчаковъ.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Высочайшее повелѣніе; II. Опред. Свят. Синода; III. Списокъ лицъ коп. Всемилостивѣйше пожалованы; IV. Указъ Правительствующаго Сената; V. Епархіальн. извѣстія; VI. Подписки обратившихся къ Православной Церкви.

Дозволено цензурою Екатеринославъ, 2 ноября 1895 г. Цензоръ протоіерей
Петръ Катрановъ.

Государственная
Орден Ленина
Библиотека СССР
им. В. И. Ленина

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

1-го Ноября № 21 1895 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

По поводу указа Правительствующаго Сената отъ 19 сент. 1895 г. за № 11752.

Данный указъ мы печатаемъ въ официальномъ отдѣлѣ, а здѣсь находимъ умѣстнымъ помѣстить то, что говорятъ по поводу сего указа „Моск. Вѣдомости“. Въ статьѣ „Неожиданные враги церковной школы“, помѣщенной въ № 291 сего почтеннаго органа, пишется слѣдующее:

Мы видѣли недавно, какіе приемы употребляетъ наша „интеллигенція“ и „полуинтеллигенція“ для борьбы съ церковною школой; мы видѣли примѣры поразительной наглости нѣкоторыхъ передовыхъ дѣятелей этого „движенія“, дошедшихъ уже до того, что они созываютъ сельскіе сходы и подбиваютъ крестьянъ не повиноваться приказаніямъ ихъ начальства, до того, что священники, въ присутствіи народа, силой прогоняются съ сельскихъ сходовъ.

Характеристичнымъ дополненіемъ къ этой картинѣ являются интересныя данныя, только что опубликованныя въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* (№ 228) и вошедшія въ указъ 2-го Департамента Правительствующаго Сената отъ 19 сентября 1895 года, за № 11752, по вопросу о правѣ сельскихъ обществъ открывать у себя, вмѣсто существую-

щей земской школы, школу церковно-приходскую. Оказывается что борьбу против церковной школы ведутъ у насъ не одни только добровольцы изъ интеллигенціи, не одни только земскіе дѣятели, но даже высшія уѣздныя и губернскія правительственныя власти, въ лицѣ цѣлыхъ коллегіальныхъ учреждений.

Судите сами.

Николаевское и Кувыкинское сельскія общества, Саратовской губерніи, въ 1890 году составили приговоры, которыми постановили: находящіяся въ ихъ селеніяхъ земскія школы закрыть, сборы на содержаніе ихъ и на жалованье учителямъ прекратить, помѣщенія же школъ передать въ распоряженіе мѣстнаго священника для церковно-приходскихъ школъ, для открытія въ нихъ духовно-нравственныхъ собесѣдованій, для склада книгъ и пр. Приговоры эти мотивированы какъ затруднительностью для крестьянъ, въ виду неурожайныхъ лѣтъ, содержать дорогія земскія школы, такъ и, главнымъ образомъ, тѣмъ, что открытая мѣстнымъ священникомъ, отцомъ Р., церковно-приходская школа крестьянамъ ничего не стоитъ, да и по характеру обученія болѣе подходитъ къ требованію крестьянъ, чѣмъ земская, ибо въ церковно-приходской школѣ обученіе идетъ успѣшно, обращается преимущественное вниманіе на духовно-нравственную сторону воспитанія, и учатъ по такимъ книгамъ, которыя соотвѣтствуютъ исконной наклонности русскаго человѣка ко всему церковному.

Казалось бы, что можетъ быть законнѣе и невиннѣе такихъ приговоровъ? Развѣ сельскія общества не вольны распорядиться своими деньгами по своему усмотрѣнію? Развѣ не въ правѣ были они изъ двухъ допускаемыхъ правительствомъ типовъ школъ отдать предпочтеніе одному предъ другимъ? Развѣ самостоятельность и самодѣятельность об-

щественныхъ единицъ не составляетъ одного изъ главнѣйшихъ тезисовъ либерально-земскаго катехизиса? Развѣ свобода мнѣній, существующая для всѣхъ, недопустима для крестьянъ, хотя бы они пожелали воспользоваться ею въ предѣлахъ устанавливаемыхъ закономъ?... Но всѣ эти очевидныя истины и хорошіе принципы помнятся лишь до тѣхъ поръ, пока они не противорѣчатъ извѣстнымъ ближайшимъ видамъ и цѣлямъ, и совершенно игнорируются и попираются въ иныхъ случаяхъ. Вотъ какія послѣдствія возымѣло намѣреніе крестьянъ дать своимъ дѣтямъ первоначальное образованіе на религіозно-нравственной основѣ:

Крестьянскіе приговоры о закрытіи земскихъ школъ поступили, конечно, въ мѣстную земскую управу, а затѣмъ въ земское собраніе. Послѣднее, забывъ, разумѣется, на этотъ разъ всякіе либеральныя принципы, препроводило приговоры „на распоряженіе мѣстнаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія“, какъ говорится въ указѣ Сената, хотя приговоры сами по себѣ никакихъ „распоряженій“ этого учрежденія не требовали. И крестьянское присутствіе распорядилось: находя, что приговоры постановлены по предметамъ не подлежащимъ вѣдѣнію сельскихъ сходовъ, и что, кромѣ того, они противорѣчатъ постановленію тѣхъ же обществъ объ ассигнаціи суммъ на содержаніе именно земскихъ школъ, присутствіе не только признало эти приговоры незаконными, но и *подвергло крестьянъ-участниковъ схода денежному штрафу каждаго*, а мѣстныхъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, допустившихъ составленіе якобы незаконныхъ приговоровъ, *приговорило къ аресту* на семь дней каждаго, — надо думать за тѣмъ, чтобы и другимъ не повадно было принимать мѣры къ утверженію въ народѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія...

Этого мало: когда двое изъ приговоренныхъ къ наказанію

нію, сельскіе старосты П. и Г., обжаловали опредѣленіе уѣзднаго присутствія въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, послѣднее утвердило это опредѣленіе, не найдя въ немъ ничего незаконнаго.

Только тогда, когда тѣ же сельскіе старосты обжаловали дѣло Сенату, оно получило, наконецъ, надлежащее направленіе: Сенатъ, конечно, отмѣнилъ постановленіе Саратовскаго губернскаго присутствія во всемъ его объемѣ.

Интересно при этомъ, что Сенатъ долженъ былъ разъяснять присутствію даже такія истины, что, на основаніи п. 8 ст. 51 Общаго Пол. о Крест., вѣдѣнію сельскаго схода подлежатъ, между прочимъ, совѣщанія и ходатайства объ обученіи грамотѣ, „изъ чего“, какъ говорится въ указѣ Сената, „несомнѣнно слѣдуетъ, что Кувыкинское сельское общество имѣло законное право обсуждать на сельскомъ сходѣ вопросъ о цѣлесообразности открытія церковно-приходской школы, вмѣсто земскаго начальнаго училища“... Вотъ какія элементарныя правила крестьянскаго управленія приходится у насъ разъяснять цѣлому синклиту губернскихъ сановниковъ!

Разсмотрѣнный указъ Сената представляетъ намъ поистинѣ возмутительную картину порядковъ въ одной изъ обширнѣйшихъ и богатѣйшихъ губерній нашего Поволжья. Какъ, неужели же мы дожили до того, что въ Святой Православной Руси людей наказываютъ за желаніе воспитывать своихъ дѣтей въ вѣрѣ отцовъ, въ истинахъ Христовой Церкви? Какъ, неужели же не только земскія учрежденія, но и высшія уѣздныя и губернскія правительственныя власти перещеголяли даже французскую администрацію въ дѣлѣ преслѣдованія церковной школы? Неужели можно признать нормальными такіе порядки управленія, при которыхъ требуется длинный рядъ мытарствъ и четыре слишкомъ го-

да времени для того, чтобъ отмѣнить столь явно-беззаконное опредѣленіе двухъ крестьянскихъ присутствій? Тогда какъ высшее правительство употребляетъ всевозможныя средства для развитія церковно-приходскихъ школъ, тогда какъ съ высоты Трона неоднократно указывалась великая важность этого дѣла для народа и государства, — тамъ, гдѣ-то внизу, находятся *правительственные* органы, сажающіе крестьянъ въ кутузку за желаніе открыть церковную школу!... Право, если бы всѣ вышеприведенные факты не были заимствованы нами изъ указа Сената, имъ трудно было бы повѣрить, — трудно было бы повѣрить, что наша областная администрація даетъ такіе печальные образцы беззаконія, произвола и распущенности“.

(Моск. Вѣд. № 291).

Замѣтка объ общепархіальномъ Съѣздѣ духовенства въ сентябрѣ мѣсяцѣ сего года.

Въ истекшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ (съ 12 по 24-е число) происходили въ г. Екатеринославѣ въ залѣ епархіальнаго женскаго училища засѣданія съѣзда духовенства епархіи. Хотя означенный съѣздъ духовенства былъ и обычный, созываемый епархіальною властью чрезъ каждые 3 года для разсмотрѣнія смѣтъ по содержанію духовно-учебныхъ заведеній и для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ какъ по благоустройству сихъ заведеній, такъ по удовлетворенію настоятельныхъ нуждъ епархіи, но въ настоящій разъ составъ съѣзда былъ особый и пока единственный: по распоряженію Его Преосвященства, на съѣздъ приглашены были только оо. благочинные епархіи. Такой порядокъ обусловливался тѣмъ обстоятельствомъ, что съѣзду нынѣшняго года предстояло рѣшеніе особенно важныхъ дѣлъ по благоустройству церковно-при-

ходскихъ школь, составленію устава пенсіонно-вспомог. кассы духовенства, по миссіонерству въ епархіи и др. и оо. благочинные, какъ наиболѣе свѣдущіе лица и наиболѣе опытные, могли быть и наиболѣе компетентными въ ихъ рѣшеніи. Явившіеся на съѣздъ оо. благочинные вполнѣ оправдали ожиданія и надежды своего архипастыря, такъ что единственный по составу своихъ членовъ съѣздъ нынѣшняго года можно назвать и выдающимся по дѣламъ, исключительнымъ по плодотворности его рѣшеній. Съ полнымъ знаніемъ дѣла и богатствомъ служебнаго опыта оо. благочинные энергично и безъ замедленій принялись за предложенныя имъ дѣла и въ десять дней ихъ рѣшили, изготовивъ свыше 50 протоколовъ.

Въ своихъ рѣшеніяхъ епархіальныхъ дѣлъ съѣздъ духовенства сего года проявилъ живое участіе и отеческую заботливость о всѣхъ епархіальныхъ учрежденіяхъ; съ любовью и вниманіемъ отнесся онъ и ко всѣмъ труженикамъ въ этихъ учрежденіяхъ. Убѣжденный въ крайне высокой дороговизнѣ жизни городской (въ Екатеринославѣ) и особенно квартиръ, вслѣдствіе чего жизнь чиновника и учителя, живущихъ исключительно скуднымъ казеннымъ жалованьемъ, становится съ каждымъ годомъ труднѣе и безвыходнѣе, съѣздъ охотно пришелъ на помощь, назначивъ учителямъ духовной семинаріи (1000 р. въ годъ) и училищъ квартирное (ежегодное) денежное пособіе, а чиновникамъ духовной консисторіи — единовременное пособіе. Кромѣ того, съѣздъ сего года сдѣлалъ добрый починъ одного, по нашему мнѣнію, весьма симпатичнаго дѣла, назначивъ пожизненную пенсію въ количествѣ годоватаго жалованья воспитательницѣ епархіальнаго женскаго училища М. М. Малишевской за 25 лѣтъ ея службы при училищѣ. Дай Богъ, чтобы этотъ добрый починъ не остался безъ подражанія и

продолженія въ будущемъ. Дай Богъ, чтобы и эти скромныя труженицы въ святомъ дѣлѣ воспитанія дѣтей не забывались хоть тѣми, для чьихъ дѣтей онѣ несутъ свои силы и здоровье.

Нынѣшнему съѣзду удалось покончить еще съ однимъ весьма важнымъ дѣломъ: окончательно рѣшено съ весны будущаго года начать постройку новаго зданія для общежитія воспитанниковъ мѣстной духовной семинаріи, отсутствіе коего отзывалось немалыми затрудненіями въ дѣлѣ воспитанія и причиняло не мало стѣсненій и лишннихъ трудовъ семинарскому начальству.

С. Е. Н.

Вѣра въ будущую блаженную жизнь, какъ мотивъ нравственной дѣятельности человѣка.

„Только развѣ въ одномъ отношеніи можно утверждать, что вѣра въ безсмертіе и будущее блаженство содержитъ въ себѣ эгоистическій мотивъ добрыхъ дѣятей и именно въ томъ, что она способна доставить людямъ непоколебимое эгоистическое основаніе не быть эгоистами“...

Лопатинъ.

Истинная нравственность, какъ объ этомъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуется здравое нравственное сознаніе человѣка, состоитъ въ такой настроенности души, вслѣдствіе которой человѣкъ исполняетъ нравственный законъ по своей доброй и свободной волѣ, не будучи побуждаемъ къ тому

не внѣшними какими либо принудительными условіями, не представляющимися выгодами или эгоистическими соображеніями, но единственно по чистой и безкорыстной любви къ добру.

Такимъ образомъ, отличительнымъ признакомъ истинной нравственности и нравственной дѣятельности человѣка служить любовь къ добру и притомъ любовь чистая и безкорыстная. Само собою разумѣется послѣ этого, что и тѣ мотивы или побужденія, которыми долженъ руководиться человѣкъ въ своей нравственной дѣятельности, должны быть возможно чище и возвышеннѣе, такъ какъ въ противномъ случаѣ эта послѣдняя неизбежно должна потерять свою надлежащую цѣну и достоинство.

Но вопросъ въ томъ, гдѣ мы можемъ найти такія побужденія и что вообще можетъ быть выставлено въ качествѣ мотивовъ и побужденій для исполнѣ безкорыстной и чуждой эгоизма нравственности?

Въ рѣшеніи этого вопроса, вообще говоря, моралисты слишкомъ сильно расходятся, образуя собою два совершенно противоположныхъ лагеря. Такъ, въ то время, какъ одни изъ моралистовъ, поставляя нравственность въ тѣсную, органическую связь и зависимость отъ религіи, указываютъ для нравственной жизни и дѣятельности человѣка религіозные мотивы и побужденія; другіе, напротивъ того, рѣшительно отрывая нравственность отъ религіи, признаютъ таковыми или любовь человѣка къ добру, или уваженіе къ важности и святости нравственнаго закона (Кантъ), или справедливость и пр.

Намъ нѣтъ необходимости останавливаться ни на изложеніи различныхъ нравственныхъ ученій, ни, въ частности, указывать, какіе мотивы и побужденія выставляетъ та или другая система къ нравственной дѣятельности человѣка,

такъ какъ это повело-бы насъ во всякомъ случаѣ за предѣлы нашей задачи. Но скажемъ только, что въ ряду всѣхъ существующихъ нравственныхъ системъ и ученій, христіанское ученіе о нравственности безспорно занимаетъ первое мѣсто и по своему достоинству и возвышенности ученія далеко превосходить всѣ другія нравственныя системы.

Къ сожалѣнію, превосходство и возвышенность христіанскаго ученія о нравственности признается далеко не всѣми моралистами. Скажемъ даже болѣе. Религіозная нравственность, проповѣдуемая христіанствомъ, подвергается даже сильнымъ и рѣшительнымъ порицаніямъ особенно со стороны защитниковъ, такъ называемой, автономической, или же отрѣшенной отъ религіозности морали. Вотъ обычное сужденіе этихъ послѣднихъ о христіанской морали.

Говорятъ, что христіанская нравственность, по самому характеру своему, вовсе не такъ чиста и безкорыстна, какъ это будто-бы можетъ показаться на первый взглядъ: ближайшее разсмотрѣніе дѣла, напротивъ того, показываетъ, что именно этихъ-то качествъ и недостаетъ ей. Въ самомъ дѣлѣ, съ горделивою самоувѣренностію говорятъ обыкновенно автономисты, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на то, что въ ней выставляется въ качествѣ мотивовъ и побужденій къ нравственной жизни и дѣятельности человѣка? Такими побужденіями въ ней выставляются, съ одной стороны, надежда на вѣчное райское блаженство за добрую и нравственную жизнь, а съ другой — страхъ адскихъ мученій и страданій за худую и порочную жизнь. — Но кто не согласится съ тѣмъ, что вышеизложенные мотивы христіанской нравственности не только не отличаются надлежащею чистотою и безкорыстіемъ, но, напротивъ того, представляются рѣшительно эгоистическими и корыстными мотивами, благодаря которымъ нравствен-

ность только терять свое надлежащее достоинство и цѣну. И дѣйствительно, люди, живущіе по христіанской морали и руководимые ея мотивами, говорятъ автономисты, всегда обнаруживали и обнаруживаютъ необыкновенное своекорыстіе: за самыя легкія жертвы, какія они несутъ на землѣ, эти люди рассчитываютъ заполучить ни болѣе ни менѣе, какъ вѣчное блаженство на небѣ. Нѣтъ, если и есть единственно достойный и могущественный мотивъ къ доброй и нравственной жизни, то таковымъ должна быть признана любовь къ добру ради него самого; а потому, чтобы нравственная жизнь и дѣятельность человѣка была вполнѣ безупречною и чистою, для этого необходимо, чтобы онъ дѣлалъ добро ради самого добра и избѣгалъ зла ради самого зла, т. е. въ силу внутренняго отвращенія къ нему, какъ ко злу. Но религіозная (разумѣется христіанская) нравственность никогда не умѣла держаться на высотѣ такого взгляда: она всегда придавала значеніе менѣе чистымъ побужденіямъ; она поневолѣ спускалась долу и унижалась, когда дѣлателью добра указывала не только любовь къ добру, но при этомъ позволяла себѣ раскрывать то восхитительную, то шражающую ужасомъ перспективу будущей жизни. Напрасно, поэтому, она увѣряетъ въ своемъ безкорыстіи: страхъ геенны и надежда на небесное блаженство — вотъ каковы всегда были и будутъ ея истинные мотивы ¹⁾).

Усвоивъ себѣ такое совершенно превратное и ложное представленіе о христіанской нравственности и ея мотивахъ, нѣкоторые изъ рьяныхъ защитниковъ автономической морали подвергаютъ ее самымъ безпощаднымъ упрекамъ и по-

¹⁾ Сравни Гренковъ, „Независимая мораль“. Правосл. Собесѣди. 1885 кн. 2 стр. 218. Гусевъ. «Религіозность—основа и опора нравственности». Прав. Обзор. 1889 г. стр. 8, 39, 40, 41; Арх. Борисъ. «Зависимость нравственности отъ религіи», Вѣра и Разумъ 1889 г. кн. 2 стр. 144 и 145.

рицаніямъ, называя ее жалкою, рабскою, поверхностною, произвольною и т. д. нравственностію. Вотъ, напримѣръ, какъ отзывается о христіанской нравственности одинъ французскій писатель, нѣкто Шарронъ. „Въ умахъ вѣрующихъ людей, говоритъ онъ, дико и странно прозвучала бы фраза, будто бы и безъ рая и ада можно быть вполне честнымъ и нравственнымъ человѣкомъ; между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ, продолжаетъ онъ, нравственность, которая осуществляется лишь изъ за надежды на будущую награду и подъ вліяніемъ страха предъ наказаніемъ, не заслуживаетъ иного названія, кромѣ названія жалкой и рабской нравственности¹⁾. Еще болѣе рѣзкія и обидныя замѣчанія о религіозной христіанской морали дѣлаетъ другой писатель—*Max Nordau*. „Религіозная мораль, говоритъ онъ, произвольна, поверхностна и *прямо безнравственна*. Ея побудительными силами служатъ боязнь, корысть, надежда на райскія выгоды или страхъ предъ сѣрнистымъ (?) огнемъ діавола. Это мораль для эгоистовъ и для трусовъ, особенно-же для дѣтей, которыхъ можно обойти угрозою розги или обѣщаніемъ ячменнаго сахара“²⁾.

Можно было бы представить еще много, въ сожалѣнію, далеко нелестныхъ и даже возмутительныхъ отзывовъ о христіанской нравственности, но намъ нѣтъ особенной надобности въ этомъ: достаточно и приведенныхъ. Скажемъ только, что и въ настоящее время многіе новѣйшіе мыслители и философы не стѣсняются высказывать и нерѣдко дѣйствительно высказываютъ далеко невыгодное мнѣніе о христіанской нравственности. Часто, напримѣръ, можно слышать сужденіе о христіанской морали такого рода, что она представляетъ собою нравственность низшаго достоинства и год-

1) Арх. Борисъ. Op. cit. стр. 143.

2) Арх. Борисъ. Op. cit. стр. 143 и 144.

на только для простаго и грубо-чувственнаго народа. „Кто, нерѣдко говорятъ, мечтаетъ о загробномъ блаженствѣ, тотъ обнаруживаетъ тѣмъ самымъ, что онъ еще стоитъ на наивной, себялюбивой и чувственной точкѣ зрѣнія въ морали; онъ требуетъ себѣ награды и лакомствъ (?) за то, что по самому существу своему ни въ какихъ вознагражденіяхъ не нуждается“¹⁾.

Таковъ, въ общемъ, отзывъ о христіанской нравственности, которымъ награждаютъ ее защитники такъ называемой автономической или отрѣшенной отъ религіи морали.

Читая его, невольно приходишь въ изумленіе и дивишься вопіющей несправедливости, крайней поверхности и научной нетерпимости рьяныхъ защитниковъ автономной нравственности, не хотящихъ, подъ вліяніемъ пристрастія къ своимъ тенденціознымъ и завѣдомо ложнымъ убѣжденіямъ, видѣть хотя бы долю истины тамъ, гдѣ она несомнѣнно существуетъ. Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, христіанская нравственность является настолько эгоистическою и корыстною, какъ ее представляютъ автономисты? Безъ сомнѣнія нѣтъ; и намъ кажется, что во всѣхъ вышеприведенныхъ разсужденіяхъ, направленныхъ противъ христіанской нравственности, заключается гораздо больше софизмовъ, иногда даже очень грубыхъ, чѣмъ правды.

¹⁾ Лопатинъ. «Теоретическія основы нравственной жизни». Вопросы философіи и психологіи, книг. 5 стр. 72 и 73. Кстати замѣтимъ, что даже и въ самое послѣднее время не перестаютъ высказывать подобные отзывы о христіанской нравственности. Такъ, года три—четыре тому назадъ появилось цѣлое сочиненіе англійскаго ученаго S. Coit-а подъ заглавіемъ „Die ethische Bewegung in der Religion» (т. е. нравственныя побужденія въ религіи), въ которомъ онъ доказываетъ необходимость устраненія религіознаго элемента изъ области этики, который, по его мнѣнію, не только не помогаетъ нравственной дѣятельности, но даже роняетъ достоинство ея, отвлекая человѣка изъ области дѣйствительности, раздѣляя людей на враждебные лагеря, располагающая ихъ къ квіетизму, фанатизму и т. д. и т. д. Ibid. стр. 104—106. См. критику и библиографію

Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ собственно заключается сущность всѣхъ разсужденій и замѣчаній, сдѣланныхъ автономистами касательно христіанской нравственности, и что, именно, они сиятся доказать въ нихъ?

Во всѣхъ вышеприведенныхъ разсужденіяхъ, какъ это легко понять, автономисты собственно сиятся доказать ту мысль, что чистота и безкорыстіе нравственности немислимы при вѣрѣ въ будущую блаженную жизнь, такъ какъ этотъ мотивъ нравственности, по самому характеру своему, будто бы эгоистиченъ и корыстенъ. По ихъ мнѣнію, руководясь имъ въ своей нравственной дѣятельности, человѣкъ неизбѣжно будетъ совершать добро не потому, что онъ имѣетъ къ нему внутреннее влеченіе и любовь, но потому, что за совершеніе его онъ получитъ награду на небѣ, т. е. вѣчное блаженство, точно такъ же, какъ за уклоненіе отъ совершенія добра онъ рискуетъ подвергнуться вѣчнымъ наказаніямъ и страданіямъ.

Но правда ли это? И прежде всего справедливо-ли то утвержденіе автономистовъ, что, живя по религіозной христіанской морали, невозможно будто бы чистое и безкорыстное совершеніе добра, (т. е. не ради него самого)? Думается намъ, что такое утвержденіе можетъ основываться только развѣ на поверхностномъ знакомствѣ или же рѣшительномъ непониманіи истиннаго смысла и духа христіанскаго ученія о нравственности, но никакъ не на болѣе глубоко и серьезномъ изученіи послѣдней. Впрочемъ, пусть само дѣло скажетъ за себя.

Чтобы быть вполне безкорыстнымъ въ своей нравственной дѣятельности, говорятъ автономисты, нужно дѣлать добро ради самого добра, т. е. въ силу внутренняго влеченія къ нему, какъ къ добру.—Положимъ такъ. Но что же другое проповѣдуетъ христіанская этика? Развѣ совершеніе

добра изъ любви къ нему, какъ добру, не является въ ней существеннымъ требованіемъ по отношенію къ своимъ послѣдователямъ? Нужно быть крайне предубѣжденнымъ, чтобы отвергать эту, столь очевидную истину. Говоримъ такъ потому, что безкорыстное совершеніе добра, или точнѣе говоря, совершеніе его изъ любви къ нему, какъ добру, именно-то, и составляетъ коренное и существенное условіе нравственно-добродѣтельной жизни и дѣятельности человѣка, проповѣдуемой христіанствомъ. И убѣдиться въ этомъ не трудно: стоитъ только обратить вниманіе на то, что служить основнымъ или, что тоже, верховнымъ началомъ христіанской нравственности? Верховнымъ началомъ христіанской нравственности служить любовь къ Богу, *какъ живому и реальному воплощенію добра*. Но если это такъ, то спрашивается: возможна-ли на самомъ дѣлѣ истинная любовь къ Богу безъ истинной любви къ добру, воплощенному въ Немъ? Конечно нѣтъ: это психологически невозможно. Если Богъ, какъ всесовершенное Существо, по христіанскому воззрѣнію, есть живое и реальное воплощеніе добра, то любовь къ Богу необходимо содержитъ въ себѣ и любовь къ воплощенному въ немъ добру, такъ какъ это послѣднее является въ Божественномъ Существовѣ такимъ-же неотдѣлимымъ предикатомъ, какъ неотдѣлимы, на примѣръ, отъ воли ея нравственныя особенности. Вотъ почему, да-лѣе, любовь къ добру и отвращеніе отъ зла христіанство признаетъ не какою либо особенною заслугою со стороны человѣка; нѣтъ: оно вмѣняетъ ее послѣднему въ его нравственную обязанность, въ жизненную потребность всего его существа; и это, безъ сомнѣнія, потому, что Самъ Богъ, по христіанскому ученію, есть высочайшее добро. Любовь къ Богу, говоритъ Василій Великій, требуетъ, чтобы мы добро дѣлали ради самого добра и изъ любви къ Давшему намъ

законъ, радуясь, что мы удостоились служить столь славному и благому Богу, ибо только въ этомъ случаѣ мы имѣемъ сыновнее расположеніе“¹⁾. „Истинно любомудрые и боголюбивые, пишутъ другой богословъ, любятъ общеніе съ добромъ ради самого добра, (а) не ради почестей, уготованныхъ за гробомъ“²⁾. Въ виду этого любить Бога, любить добро для истиннаго христіанина является простыми синонимами, различія между которыми нѣтъ никакого. Такимъ образомъ, только живя по христіанской морали, человѣкъ неизбежно вызывается къ чистому и безкорыстному совершенію добра или, что тоже, къ совершенію добра изъ любви къ нему какъ добру, всецѣло воплощенному въ Богѣ³⁾. Но что особенно важно въ этомъ случаѣ, такъ это то, что въ христіанской морали не абстрактная и холодная идея добра, за которую такъ ратуютъ автономисты, руководить человѣкомъ въ его нравственно-добродѣтельной жизни: такая идея, какъ сама по себѣ безжизненная и мертвая, не въ состояніи постоянно и неизмѣнно возбуждать къ истинно-нравственной дѣятельности свободную волю человѣка; нѣтъ: живое представленіе идеальнаго воплощенія добра въ личномъ Богѣ—вотъ что воспитываетъ въ немъ истинную любовь къ добру и неудержимо влечетъ его волю къ неуклонному осуществленію послѣдняго въ своей жизни. А въ этомъ то и заключается существенная разница христіанской нравственности отъ автономической: ибо сознательная и истинно-нравственная любовь къ добру возможна только тамъ, гдѣ есть живое представленіе и отношеніе между личностію и личностію; въ противномъ же случаѣ дѣланіе добра теряетъ свой надлежащій смыслъ и характеръ.

¹⁾ Христіанство—сила Божія во спасеніе. Христ. Чтеніе 1867 г. кн. I стр. 29—30.

²⁾ Твореніе Григор. Богосл. т. I стр. 97.

³⁾ Мо. 19, 17.

Уяснивъ себѣ сущность христіанской морали, ея основу и характеръ, мы теперъ обратимся къ рѣшенію того вопроса, дѣйствительно ли идея будущаго блаженства, выставленная христіанствомъ въ качествѣ мотива и побужденія къ нравственной жизни и дѣятельности человѣка, только унижаетъ послѣднюю, сообщая ей эгоистическій и корыстный характеръ, какъ это думаютъ автономисты.

Идея будущаго блаженства, или идея царствія Божія, какъ извѣстно, есть одна изъ тѣхъ идей, въ которыхъ христіанство даетъ рѣшеніе кореннымъ и вѣковѣчнымъ вопросамъ человѣческаго духа—о конечномъ его бытіи и цѣли существованія.

Никто, конечно, не станетъ отрицать того общеизвѣстнаго факта, что одну изъ существеннѣйшихъ чертъ человѣческой природы составляетъ стремленіе ея къ раскрытію своего личнаго духа, къ развитію своей духовной природы до возможной полноты и совершенства. Къ сожалѣнію, опытъ всюду и всегда говоритъ ему, что всѣ его стремленія и усилія на этомъ поприщѣ, хотя и не остаются совершенно тщетными и безплодными, тѣмъ не менѣе все же представляются далеко незаконченными и несовершенными. Такъ, умъ его, при всѣхъ своихъ усиліяхъ познать истину, вѣчно терзается подъ гнетомъ различнаго рода сомнѣній и заблужденій; воля оказывается слабою постоянно и непреклонно слѣдовать добру и, наконецъ, сердце постоянно испытываетъ неполноту и непостоянство въ своихъ чувствахъ. Отсюда, неизбѣжными результатами всего этого является постоянная нравственная неудовлетворенность человѣка, тягота своимъ положеніемъ, а иногда даже и отсутствіемъ яснаго сознанія смысла и цѣли собственной жизни. И вотъ, при такомъ, поистинѣ, тягостномъ положеніи человѣка, христіанство рѣшаетъ ему проблему настоящей

его жизни и раскрываетъ ему истинный смыслъ ея. Оно говоритъ ему, что положеніе его и его судьба вовсе не такъ жалка, какъ ему представляется; что настоящая земная жизнь его есть только подготовительная ступень въ его развитіи; что, наконецъ, тамъ—въ будущей жизни, *въ единеніи и любви его съ Богомъ, въ царствѣ личностей*, всѣ его завѣтныя желанія и стремленія къ безконечному развитію своей духовной природы получаютъ возможность полного осуществленія и полного удовлетворенія. Умъ его будетъ познавать истину во всей ея наготѣ, такъ сказать, лицомъ къ лицу,—воля сдѣлается совершенно непреклонною въ совершеніи добра и, наконецъ, сердце будетъ ощущать въ себѣ ту необъятную силу любви, отсутствіемъ которой оно постоянно страдало въ этой жизни. Слѣдствіемъ же такого идеальнаго и гармоническаго развитія всѣхъ сторонъ его духовной природы будетъ ощущеніе человѣкомъ постоянного внутренняго довольства и нравственной удовлетворенности.

Итакъ, вотъ то блаженство, которое христіанство представляетъ въ качествѣ мотива и побужденія къ нравственно-добродѣтельной жизни человѣка. Въ это блаженство свое христіанинъ вѣруетъ и надѣется получить, и эта вѣра, или, лучше сказать, любовь къ такому блаженному состоянію является мотивомъ всей его настоящей жизни и руководитъ всею его дѣятельностію. Гдѣ же, или въ чемъ, спрашивается, обнаруживается здѣсь корыстный характеръ христіанской морали? Да и возможно-ли, на самомъ дѣлѣ, нравственность, въ основѣ которой лежитъ стремленіе къ достиженію такого именно рода блаженства, назвать эгоистическою и нечистою? Только одна крайняя и ничѣмъ не сдерживаемая предубѣжденность можетъ назвать ее таковою; ибо блаженство, проповѣдуемое христіанствомъ, является удовле-

ніемъ не какимъ либо своекорыстнымъ и тѣмъ болѣе низменнымъ потребностямъ и расчетамъ человѣка, но служить удовлетвореніемъ насущной и неистребимой потребности его духа, неудержимо стремящагося къ безконечному развитію и совершенству своихъ силъ и способностей. Прекрасно по этому поводу разсуждаетъ одинъ изъ мыслителей нашего времени, профессоръ Лопатинъ. „Обвиненіе въ неизбѣжно-эгоистической постановкѣ нравственной задачи при вѣрѣ съ безсмертіемъ, говоритъ онъ, является прямо несправедливымъ. Какъ будто потребность въ этой вѣрѣ, разсуждаетъ онъ, внушается единственно желаніемъ имѣть загробныя лакомства за сдѣланное добро и никакіе другіе интересы ее вызывать не должны. Вѣдь если мы приписываемъ чело-вѣческой личности безусловную вѣчную цѣну, если мы глубоко убѣждены, что она всегда есть цѣль и никогда только средство, то непрочность, незавершенность, нравственная неосмысленность индивидуальнаго существованія великаго множества людей—развѣ не находится въ кричащемъ противорѣчій съ такимъ нашимъ отношеніемъ къ людямъ? И развѣ одного этого противорѣчія не довольно, чтобы желать повѣрить въ то, что для человѣка на землѣ не все кончается, совершенно помимо надежды на посмертныя удовольствія для себя лично“¹⁾.

Итакъ, безпристрастное разсмотрѣніе христіанскаго ученія о будущемъ блаженствѣ свидѣлствуетъ, что въ немъ вовсе нѣтъ ничего такого, что могло бы дать основаніе для эгоистической и корыстной нравственности и нравственной дѣятельности человѣка, что если христіанинъ и стремится къ нему, то единственно потому, что желаетъ утвердить и раскрыть до возможной полноты и совершенства свой личный духъ въ его высшихъ сторонахъ и стремленіяхъ, т. е.

¹⁾ Лопатинъ. Ор. cit. стр. 73—74.

нначе говоря, не желаетъ себѣ духовнаго самоубійства, если только позволительно такъ выразиться¹⁾.

Теперь, чтобы еще болѣе убѣдиться въ безкорыстїи и чистотѣ христіанской нравственности, посмотримъ, чѣмъ является вѣра въ будущее блаженство, какъ мотивъ нравственной дѣятельности христіанина?

Мы сказали, что будущее блаженное состояніе христіанина возможно только лишь при одномъ условїи, а именно—при условїи общенїя, или единенїя его съ Богомъ въ царствѣ личностей, того, именно, единенїя, о которомъ нѣкогда молилъ Спаситель нашъ Своего Небснаго Отца: „да вси едино будутъ, якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тїи въ Насъ едино будутъ. Азъ въ нихъ, и Ты во Мнѣ, да будутъ совершени во едино“²⁾. Но если это такъ, если христіанинъ все свое блаженство видитъ въ единенїи своемъ съ Богомъ въ царствѣ духовно-разумныхъ существъ, то, безъ всякаго сомнѣнїя, онъ, всегда и вездѣ будетъ стремиться къ этому единенїю, такъ какъ при этомъ только лишь условїи и возможно его собственное блаженство и счастье. Отсюда уже само собою понатно, что и въ настоящей своей земной жизни онъ только тогда будетъ чувствовать себя блаженнымъ, когда будетъ находиться въ единенїи и любви съ другими, подобными ему личностями и когда будетъ чувствовать себя способнымъ жить не для

¹⁾ На одной изъ страницъ своего дневника великій психологъ души человѣческой, незабвенный Ф. М. Достоевскій, между прочимъ, пишетъ: «Безъ высшей идеи не можетъ существовать ни человекъ, ни нація. А высшая идея на землѣ одна и именно—идея о безсмертїи души человека (а съ тѣмъ вмѣстѣ, разумѣется, и необходимо вытекающая изъ нея идея будущей жизни), ибо всѣ остальные «высшія идеи жизни», которыми можетъ быть живъ человекъ, лишь изъ нея одной вытекаютъ. *Только чрезъ нее жизнь получаетъ смыслъ и значенїе и человекъ постигаетъ всю разумную цѣль свою на землѣ*». См. Дневникъ № 12. стран. 320. Изд. 1876 г.

²⁾ Іоан. 17. 21—23.

себя только, но и прежде всего для других. Что же послѣ этого должна представлять собою вся вообще жизнь и дѣятельность христіанина, какъ не одинъ только лишь подвигъ любви и, притомъ, любви безграничной и самоотверженной, доходящей до самозабвенія и самопожертвованія для другихъ? Да, именно, безграничной любви, не имѣющей для себя никакихъ опредѣленныхъ границъ и предѣловъ, ибо объединеніе всего человѣчества въ духѣ любви—и ближняго, и дальняго, и друга и недруга—вотъ то условіе, безъ котораго немислимо нравственное совершенство и личное блаженство христіанина. „Любите враговъ вашихъ, сказалъ Спаситель, творите добро ненавидящимъ васъ, благословляйте проклинающихъ васъ и молитесь за оскорбляющихъ васъ“. Но почему-же такъ? А потому, разъясняетъ Спаситель, что если вы любите любящихъ васъ, то какая вамъ за то благодарность: ибо и грѣшники любятъ любящихъ ихъ. И если дѣлаете добро тѣмъ, которые вамъ добро дѣлаютъ, то какая вамъ за то благодарность? Ибо и грѣшники то-же дѣлаютъ. И если въ займы даете тѣмъ, отъ которыхъ найдетесь получить обратно, какая вамъ за то благодарность? Ибо и грѣшники даютъ займы грѣшникамъ, чтобы получить обратно столько-же. Но вы любите враговъ вашихъ и благотворите и займы давайте, ничего не ожидая¹⁾.

Вотъ, такимъ образомъ, тѣ естественныя отношенія, какія должны установиться, по христіанскому ученію, между людьми. Теперь спрашивается: есть ли здѣсь хотя малѣйшая тѣнь эгоизма и дается ли здѣсь хоть какое либо основаніе для эгоистической дѣятельности человѣка?...

Итакъ, вѣра въ будущее блаженство, какъ мотивъ нравственной дѣятельности человѣка, не только не служитъ основаніемъ для эгоистической дѣятельности, но рѣшительно

¹⁾ Лук. VI. 27, 28, 32—36.

исключаетъ послѣднюю: „Только развѣ въ одномъ отноше-
 нии можно утверждать, разсуждаетъ уже упомянутый нами
 профессоръ Лопатинъ, что вѣра въ безсмертіе и будущее
 блаженство содержитъ въ себѣ эгоистическій мотивъ доб-
 рыхъ дѣйствій и именно въ томъ, что одна она способна
 доставить людямъ непоколебимое эгоистическое основаніе
 не быть эгоистами. Въ самомъ дѣлѣ, если судьба лица со-
 гласуется съ его нравственною высотой, *его сопринадлеж-
 ностію органическому цѣлому духовнаго царства, его
 подчиненіемъ закону любви*, лежащему въ основѣ творе-
 нія, то безсмысліе эгоизма не только общее, но и для каж-
 дой отдѣльной личности становится до конца понятнымъ.
 Исключительное самоутвержденіе води ведетъ къ противо-
 положному себѣ—искаженію подлинной нормы бытія,—ста-
 ло быть, къ неудовлетворенности и страданію. Въ томъ то
 и заключается, весьма характерно замѣчаетъ онъ далѣе,
 историческая жизненность христіанскаго міросозерцанія, что
 въ немъ не только даны прекрасныя правила любви и
 самоотверженія, но указанъ и подлинный источникъ гибели
 духовной личности въ себялюбіи и злобѣ“¹⁾.

Все сказанное нами доселѣ неизбѣжно приводитъ насъ
 къ тому результату, что самыя условія будущаго блажен-
 ства человѣка, а также и форма его осуществленія (Цар-
 ствіе Божіе)²⁾ рѣшительно исключаетъ всякую возможность
 и тѣмъ болѣе необходимость для человѣка руководиться
 эгоистическими побужденіями въ своей нравственной жизни
 и дѣятельности.

¹⁾ Лопатинъ. *Op. cit.* стр. 76—77.

²⁾ Въ этомъ случаѣ царствіе Божіе изображается въ Св. Писаніи,
 какъ общество, къ которому призывается христіанинъ, но въ ко-
 торомъ по своей волѣ онъ можетъ пребывать и по своей же волѣ
 можетъ удалиться изъ него. Вотъ тѣ мѣста Св. Писанія, въ ко-
 торыхъ Царствіе Божіе по преимуществу характеризуется тако-
 вымъ: Мѡ. 13, 3 и дал.; 24 и дал.; 31, 33; 47, также Лук. 17, 21;
 Иоан. 17, 21, 23, 24 и др.

Теперь мы остановимъ свое вниманіе на томъ, не представляеть ли самое *содержаніе будущаго блаженства*, какъ оно опредѣляется и раскрывается христіанствомъ, чего-либо такого, что могло бы дать пищу для эгоистическихъ и своекорыстныхъ стремленій человѣка.

Какъ извѣстно, въ Словѣ Божіемъ царствіе небесное нерѣдко раскрывается какъ высочайшее благо ¹⁾, которое общается въ удѣлъ вѣрующимъ и которымъ послѣдніе будутъ владѣть и наслаждаться ²⁾.

Основываясь на такомъ изображеніи Словомъ Божіимъ царствія небснаго, защитники, такъ называемой, автономической морали, между прочимъ и дѣлаютъ упрекъ христіанской нравственности въ эгоизмъ и своекорыстіи. Въ представленіи людей, говорятъ они, чаще всего выдвигаются именно такія стороны рая, которыя касаются главнымъ образомъ блаженства, а не его естественной причины, и что вообще люди гораздо болѣе расположены думать о различнаго рода наслажденіяхъ и наградахъ, которыя они имѣютъ получить въ будущей жизни за совершенныя ими добродѣтели, чѣмъ о самыхъ добродѣтеляхъ ³⁾.

Дѣйствительно, въ Новомъ Завѣтѣ будущее блаженство нерѣдко выставляется какъ награда за добрую и нравственную жизнь человѣка, и даже болѣе: Спаситель, напимѣръ,

¹⁾ Для желающихъ ознакомиться съ этимъ вопросомъ подробнѣе мы рекомендовали бы статью Арх. Сергія подъ заглавіемъ: «Вѣчная жизнь, какъ высочайшее благо», напечатанную въ Богословскомъ Вѣстникѣ за 1895 годъ, въ февральской книгѣ, стр. 195—213.

²⁾ Въ этомъ смыслѣ царствіе Божіе раскрывается въ слѣдующихъ мѣстахъ Св. Писанія: Мѡ. 6, 20; 13, 44, 45. 46 и др. Кстати замѣтимъ, что это высочайшее благо, какъ цѣль стремленій человѣка, по христіанскому воззрѣнію, заключаетъ въ себѣ три слѣдующихъ существенныхъ элемента: истину, добро и счастье (блаженство). Такое различіе элементовъ, безъ сомнѣнія, основывается на различіи трехъ главныхъ сторонъ духовной природы человѣка: ума, воли и чувства.

³⁾ Гусевъ. *Op. cit.* стр. 57—58.

въ Своей нагорной бесѣдѣ прямо общаетъ своимъ послѣдователямъ за каждую добродѣтель особою наградою на небеси ¹⁾. Но вопросъ въ томъ, какого рода и характера это блаженство и въ частности, какого рода тѣ награды, которыя Спаситель общаетъ своимъ послѣдователямъ за ихъ добрую, нравственную жизнь и добродѣтели и, наконецъ, въ какомъ отношеніи эти награды находятся къ тѣмъ добродѣтелямъ, за которыя они обѣщаны?

Будущее блаженство, по крайней мѣрѣ, какъ оно опредѣляется христіанскою религіею, отнюдь нельзя понимать въ смыслѣ чувственномъ, въ видѣ, напримѣръ, чувственнаго наслажденія какими-нибудь внѣшними благами (ибо такое пониманіе будущаго блаженства противорѣчитъ самому понятію о царствѣ Божіемъ, какъ царствѣ духовномъ), а въ смыслѣ чисто духовнаго и внутренняго чувства радости или довольства, являющагося естественнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ той или иной степени духовно-нравственнаго совершенства человѣка. Поэтому, если защитники автономической морали хотятъ упрекнуть христіанскую нравственность въ эвдемонизмъ, то они во всякомъ случаѣ должны согласиться съ тѣмъ, что это — эвдемонизмъ (въ лучшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Тоже самое должно сказать и о характерѣ тѣхъ наградъ, которыя Господь общаетъ вѣрующимъ за ихъ добродѣтели въ этой жизни. Это — награды чисто духовнаго характера, а не чувственнаго, каковыми, къ сожалѣнію, представляютъ ихъ нѣкоторые изъ автономистовъ (какъ, напримѣръ, *Max Nordau*) и притомъ столь высоконравственные, что самое желаніе получить ихъ отнюдь не унижаетъ и не можетъ унижать нравственности человѣка. Человѣкъ желаетъ ихъ не изъ своекорыстія и эгоизма, потому что своекорыстный

¹⁾ Мѡ. 5, 3—12.

человѣкъ, собственно говоря, и не можетъ понять ихъ: такъ онѣ возвышенны. Неужели, на примѣръ, желаніе видѣть Бога есть желаніе своекорыстное? Если да, то въ такомъ случаѣ въ человѣкѣ нѣтъ ничего не своекорыстнаго, и дѣланіе добра, хотя бы даже ради него самого, есть пустая фраза. Наконецъ, обѣщанныя Спасителемъ награды за добродѣтели человѣка настолько тѣсно связаны съ самими добродѣтелями, что раздѣлять ихъ отъ послѣднихъ нѣтъ никакой возможности. Это—награды не суть внѣшнія, какъ бы нѣкоторые подарки; нѣтъ: онѣ вытекаютъ изъ добродѣтелей, какъ необходимый ихъ результатъ. Такъ, на примѣръ, чистый сердцемъ не можетъ находиться въ разлукѣ съ Богомъ, не можетъ не наслаждаться лицезрѣніемъ Его, потому что это послѣднее является прямымъ и неизбѣжнымъ результатомъ чистоты его сердца.

Правда, мы не отрицаемъ того факта, что въ представленіи людей можетъ быть и бываетъ извращенное и неправильное понятіе о будущемъ блаженствѣ и наградахъ (это—когда смотрять на эти послѣднія, какъ бы на нѣкоторые подарки, чисто внѣшнія награды за добрую и нравственную жизнь человѣка), не имѣющихъ, притомъ, никакой внутренней органической связи и сродства съ самими добродѣтелями человѣка. Но такое представленіе дѣла очевидно, ложное отъ начала до конца и, какъ таковое, оно во всякомъ случаѣ не можетъ набрасывать тѣни на истинно-нравственную жизнь и дѣятельность человѣка, проповѣдуемую христіанствомъ.

Какъ бы то ни было, но справедливость требуетъ сказать, что упрекать христіанскую мораль въ эгоизмъ и своекорыстіи за то, что въ ней выставлены тѣ или другія чисто духовныя награды за добрую и нравственную жизнь человѣка, по меньшей мѣрѣ, несправедливо и странно; тѣмъ

болѣе, что въ существѣ дѣла и сами автономисты, ратующіе о безотносительной цѣнѣ добра и о ея независимости отъ соображеній о человѣческой судьбѣ, въ концѣ концовъ, для обоснованія обязательности исполненія человѣкомъ тѣхъ или другихъ нравственныхъ предписаній закона, *ссылаются на чувство самоудовлетворенія*, которое человѣкъ испытываетъ, выполняя ихъ и, такимъ образомъ, полагаетъ мотивъ нравственной дѣятельности человѣка въ его чисто субъективномъ впечатлѣніи. Между тѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ профессоръ Лопатинъ, можно очень спорить о томъ, гдѣ эгоизма больше: въ сведеніи-ли нравственнаго идеала къ наслажденію, которое онъ доставляетъ, или-же въ признаніи, *что его объективное содержаніе предуготовлено вѣкъ строимъ вещей, какъ цѣль разумнаго дѣйствія и условіе нормальнаго бытія?* ¹⁾

Еще съ большей очевидностію обнаруживается несостоятельность автономическаго упрека христіанской нравственности въ эгоизмъ и своекорыстіи (на томъ лишь основаніи, что въ ней въ качествѣ мотива къ нравственно-добродѣтельной жизни и дѣятельности человѣка выставляется будущее блаженство), какъ скоро мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, чѣмъ собственно обуславливается самая возможность достиженія и полученія христіаниномъ этого блаженства.

По христіанскому воззрѣнію, будущее блаженство есть прежде всего и главнымъ образомъ дѣло милосердія Божія, а не результатъ собственныхъ заслугъ человѣка. Но гдѣ идетъ рѣчь о милосердіи къ намъ, тамъ своекорыстіе и эгоистическіе расчеты на послѣдствія нашихъ поступковъ лишены всякой опоры и всякаго смысла. „Своекорыстіе и эгоизмъ имѣютъ мѣсто и возможны только тамъ, гдѣ су-

¹⁾ Лопатинъ. *Op. cit.* стр. 77.

ществуетъ убѣжденіе, что полученіе извѣстныхъ результатовъ обуславливается *единственно и исключительно* нашей дѣятельностію“¹⁾.

Но, поставляя предъ судомъ совѣсти свое нравственное состояніе и всю вообще жизнь свою, быть можетъ и испещренную всякаго рода нравственными подвигами и добродѣтелями, можетъ ли на самомъ дѣлѣ искренно сказать христіанинъ, что онъ выполнилъ нравственный законъ во всей его полнотѣ и широтѣ и потому имѣетъ право на получение себѣ награды или блаженства за гробомъ? Не скажетъ-ли онъ, напротивъ того, что его нравственное состояніе и его нравственныя заслуги вовсе не такъ велики, чтобы считать себя достойнымъ за нихъ получить вѣчную и блаженнѣйшую жизнь на небѣ? Да, именно, этого послѣдняго рода сознаніе и чувства и овладѣваютъ душою истинно-вѣрующаго и нравственно-добродѣтельнаго человѣка. За примѣрами далеко намъ не приходится обращаться: они у насъ на глазахъ. Я разумѣю нашихъ многочисленныхъ богомольцевъ, длинными вереницами совершающихъ свои тысячеверстныя паломничества, соединенныя со всякаго рода лишеніями и невздами, и въ тоже время ничуть не вмѣняющихъ ихъ себѣ въ какую бы то ни было заслугу. Прекрасную характеристику высоконравственнаго настроенія этихъ усердныхъ молитвенниковъ русской земли даетъ намъ г. Рязановъ въ своей статьѣ подъ заглавіемъ „Афоризмы и наблюденія“²⁾. „Поговорите, пишетъ онъ, съ нашими богомольцами внѣ храма, когда они, разсѣвшись группами на землѣ, отдыхаютъ, пробавляясь скудною пищею, и вы никогда не услышите отъ нихъ какихъ либо восхваленій со-

¹⁾ Гусевъ. *Op. cit.* стр. 55.

²⁾ Статья эта напечатана была г. Рязановымъ въ Русскомъ Обозрѣніи за 1894 г. № 10—12.

вершенныхъ ими „подвиговъ“ по той простой причинѣ, что они никакого „подвига“ за собой не сознаютъ, если даже имъ пришлось пройти не одну тысячу верстъ; *это, вѣдь, не они сами прошли ихъ, а ихъ „Богъ привелъ“*. Они совершили этотъ путь также естественно и просто, какъ они совершаютъ и другіе свои дѣловые пути, да и этотъ путь у нихъ „дѣловой“, такъ какъ между „дѣломъ Божиимъ“ и „дѣломъ человѣческимъ“ у нашего вѣрующаго крестьянина вовсе нѣтъ какой-либо рѣзкой грани. Онъ только удивляется вашему удивленію, которое вы выражаете, когда послѣ долгихъ разспросовъ вы добьетесь, наконецъ, отъ него свѣдѣній о томъ, сколько времени, съ какими лишеніями, сколько верстъ онъ прошелъ: *онъ ничего особеннаго въ этомъ пути и въ этихъ лишеніяхъ не видитъ; онъ полагаетъ, что и всякій другой сдѣлалъ-бы и дѣлаетъ тоже самое*. Онъ знаетъ лишь одно, что онъ „грѣшникъ“, что грѣхи свои онъ долженъ, пока живетъ, „замаливать“, хотя всѣхъ ихъ никогда „замолить“ ему невозможно, и что нужно благодарить Бога, если Онъ приведетъ грѣшнаго человѣка поклониться Угоднику Божию, который поможетъ ему снять съ души своей, по мѣрѣ силъ, хоть часть обременяющихъ ее тяжкихъ грѣховъ ¹⁾.

Но помимо всего этого, присоединимъ къ сказанному еще и то, что каждый нравственный подвигъ христіанина, какъ бы онъ ни былъ великъ, тѣмъ не менѣе имѣетъ свою цѣну и достоинство въ очахъ Божіихъ только лишь постольку, поскольку въ немъ выражается наше собственное внутреннее нравственное настроеніе. Извѣстно, какъ Спаситель въ лицѣ фарисеевъ осуждалъ *наемничью манеру* въ дѣлахъ нравственности, рассчитывающую только на полученіе награды. Онъ прямо предрекалъ имъ (фарисеямъ) за

¹⁾ Странникъ 1895 г. кн. 3; стр. 602—603.

ихъ наружныя и показныя нравственныя поступки и дѣянія одно лишь безутѣшное горе и осужденіе ¹⁾. А если это такъ, то въ такомъ случаѣ, было бы крайне наивно и смѣшно увѣрять себя въ томъ, будто и механическое выполнение нравственныхъ предписаній и совершеніе добрыхъ дѣлъ имѣетъ въ результатъ своемъ то вѣчное блаженство, на которое могутъ рассчитывать только истинно-добродѣтельные. Нѣтъ: если Господь не разъ повторяетъ, что царствіе Божіе есть царство добра и неразлучнаго съ нимъ блаженства, то, слѣдовательно, и воспользоваться имъ могутъ только лишь тѣ, которые имѣютъ внутреннее влеченіе къ добру и совершаютъ добрыя дѣла единственно по сердечному влеченію и расположенію къ нимъ.

Намъ остается разсмотрѣть еще одинъ вопросъ, который возбуждаетъ недоразумѣнія у противниковъ христіанской морали. Вопросъ этотъ касается собственно кажущагося несоотвѣтствія между нравственно-добродѣтельною жизнью и дѣятельностію челоуѣка въ этой кратковременной его жизни и вѣчнымъ блаженствомъ за гробомъ.

Говорятъ, что съ христіанской точки зрѣнія все таки выходитъ дѣло такъ, что челоуѣкъ за кратковременныя подвиги и за самыя легкія жертвы получаетъ вѣчное блаженство, а это несогласимо съ требованіями справедливости и дѣлаетъ въ глазахъ христіанина „очень выгодною“ добродѣтель.

Что касается этого замѣчанія, дѣлаемаго защитниками автономической морали, то оно пожалуй имѣло-бы свой смыслъ и значеніе въ томъ только лишь, впрочемъ, случаѣ, если-бы по христіанскому воззрѣнію будущее блаженство мыслилось только какъ отплата и возмездіе за добрыя дѣла и поступки челоуѣка, совершенныя имъ въ здѣшней жизни.

²⁾ Мѡ. 23, 23—28.

Понимаемое, именно, въ такомъ смыслѣ, будущее блаженство естественно нужно было бы представлять, какъ нѣчто косно и неизмѣнно пребывающее блаженное состояніе человѣческаго духа за гробомъ, не имѣющее, притомъ, никакихъ ступеней въ своемъ развитіи, а будущую жизнь какимъ то безотраднѣмъ квіетизмомъ или же абсолютнымъ покоемъ, исключающимъ собою всякое вообще движеніе впередъ-ли то или назадъ. Но такое представленіе дѣла, очевидно, ложное. Процессъ нравственнаго развитія чловѣка, начавшійся въ здѣшней жизни, по христіанскому воззрѣнію, будетъ непрерывно продолжаться и въ будущей загробной жизни. Необходимость его предполагается и обуславливается самымъ существомъ дѣла. Не говоря уже о духѣ чловѣческомъ, какъ существѣ дѣятельномъ, бессмертномъ и неудержимо стремящемся къ безконечному саморазвитію, самый идеаль, кратко выраженный въ словахъ Спасителя „будите совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть ¹⁾), какъ идеаль, по существу своему безконечный, требуетъ и безконечнаго нравственнаго развитія и совершенствованія чловѣческаго духа ²⁾). При этомъ, само собою разумѣется, что если онъ до извѣстной степени можетъ быть осуществимъ чловѣческою жизнію, то это именно блаженною жизнію праведныхъ въ нескончаемой вѣчности, гдѣ духъ чловѣческій, освободившись отъ узъ тѣла, а съ тѣмъ

¹⁾ Мѣ. 5, 48.

²⁾ Безпредѣльность Бога, пишетъ одинъ изъ выдающихся моралистовъ нашего времени, безпредѣльность сотворенныхъ Имъ міровъ, безконечное разнообразіе жизни въ этихъ духовныхъ и матеріальныхъ мірахъ, безпредѣльность, дарованная духомъ Божіимъ высшимъ чловѣческимъ стремленіямъ, позволяютъ гадать о нескончаемой живой дѣятельности чловѣка въ будущей жизни, о радостномъ возбужденіи всѣхъ его благородныхъ силъ, а слѣдовательно объ его *вѣчно возростающемъ совершенствѣ и блаженствѣ*. Г. Л. Янышевъ. Православно-христіанское ученіе о нравственности. Москва 1887 г. ч. 2; стр. 331.

вмѣстѣ и тѣхъ препятствій, какія тѣло поставляло ему на пути къ нравственному совершенствованію, свободно и неприцѣпленно будетъ продолжать свое нескончаемое развитіе и совершенствованіе, все болѣе и болѣе приближаясь и уподобляясь своему Первообразу. Посему-то и блаженство, будучи сперва возмездіемъ за добродѣтельную жизнь челока въ здѣшней жизни, затѣмъ будетъ постояннымъ спутникомъ загробной нравственно-блаженной жизни.

Итакъ, безпристрастное разсмотрѣніе, съ одной стороны, христіанскаго ученія о будущемъ блаженствѣ, а съ другой, — тѣхъ возраженій, въ которыхъ защитники автономической нравственности стараются упрекнуть христіанскую мораль въ эгоизмъ и своекорыстіе, приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что вѣра въ будущее блаженство, какъ мотивъ нравственной дѣятельности челока, не только не унижаетъ и не набрасываетъ тѣни на послѣднюю, а, напротивъ того, возвышаетъ ее, такъ какъ рѣшительно не даетъ никакой пищи для эгоистическихъ и своекорыстныхъ стремленій и расчетовъ челока. Скажемъ даже болѣе: вѣра въ будущую блаженную жизнь, какъ мотивъ христіанской нравственности, является и единственно могущественнымъ и возвышеннѣйшимъ побужденіемъ къ нравственно-добродѣтельной жизни и дѣятельности челока, такъ какъ она способствуетъ развитію въ послѣднемъ такой, именно, настроенности души, вслѣдствіе которой онъ совершаетъ добро изъ любви къ нему, какъ добру. И это потому, что блаженство, каковымъ оно, по крайней мѣрѣ, представляется въ христіанской этикѣ, является прямымъ и необходимымъ слѣдствіемъ нравственнаго совершенства челока: это два — неотдѣляемая другъ отъ друга состоянія. А потому, кто стремится къ достиженію будущаго блаженства, тотъ естественно, необходимо долженъ усовершаться и нравственно. Впро-

чемъ, и сами автономисты (какъ напр., Кантъ) въ концѣ концовъ должны были признать благотворное значеніе для нравственности вѣрованія въ загробную жизнь человѣка ¹⁾. Другіе-же защитники, такъ называемой, отрѣшенной отъ религіи нравственности еще съ большею настойчивостію и рѣшительностію развивали ту же мысль ²⁾.

В. Грековъ.

Замѣтка сельскаго священника, подъ заглавіемъ: „Дневникъ церкви или лѣтопись церковная и значеніе ея“.

Каждое общество, каждое учрежденіе, каждый человѣкъ имѣетъ свою исторію,—всякая же исторія имѣетъ громад-ное воспитательно-образовательное значеніе, въ особенности для того общества или учрежденія, которсе она имѣетъ своимъ предметомъ. Говоря о лѣтописи церковной, мы имѣемъ въ виду, какъ предметъ ея: во 1-хъ церковь (храмъ), во 2-хъ подлежащій сей церкви приходъ и въ 3-хъ различныя учрежденія, имѣющія отношеніе къ церкви.

Исторія церкви—храма начинается со дня проэкта о его устройствѣ, и это время можно признать началомъ и лѣтописи церковной. Правда, въ настоящее время въ клировыхъ вѣдомостяхъ дѣлается указаніе на время постройки храма и на имя строителя его. Но этимъ не разрѣшаются многіе вопросы и весьма интересные, опредѣляющіе дальнѣйшій ходъ дѣлъ по церкви. Вопросы эти слѣдующіе.

1) Кто былъ инициаторомъ постройки храма?—

Вопросъ о постройкѣ храма—вопросъ общественный и очень важный, какъ рѣшающій судьбу религіозно-нравственнаго состоянія общества. Въ этомъ пунктѣ церковная лѣтопись можетъ имѣть свою темою—отношеніе общества

¹⁾ Гусевъ. *Op. cit.* стр. 3.

²⁾ *Ibidem.* стр. 47—48.

къ этому вопросу, такъ какъ рѣшеніе его рѣдко обходится безъ разногласій и споровъ партій часто враждебныхъ другъ другу. Здѣсь важно опредѣлить силу авторитета и качества личности инициатора, съ какими онъ выступилъ на дѣло постройки храма.

2) На чьи средства сооруженъ храмъ?—

Сей вопросъ тоже важенъ, какъ говорящій или объ особомъ религіозномъ движеніи общества, когда храмъ сооружается на средства послѣдняго, или объ особо-выдающихся лицахъ, понимавшихъ значеніе храма и жертвовавшихъ для общаго блага своими средствами. Съ этимъ вопросомъ связаны другіе два вопроса, — вопросъ о ревности и прилежаніи прихожанъ по сооруженію храма, а потомъ и по ремонтнровкѣ его и вопросъ объ изысканіи средствъ на вышеуказанныя надобности.

3) Кто благодѣтели мѣстнаго храма?—

Этотъ вопросъ не безынтересенъ для причта. Благодѣтель храма—это главная опора благосостоянія послѣдняго; за него долгомъ своимъ почтеть причтъ возносить молитвы. Благодѣтель пользуется особымъ уваженіемъ причта и прихожанъ, и лѣтопись церковная должна указать вновь поступившему причту—на сего благодѣтеля, а равно и на его семейство, чтобы имѣть къ нему должное почтеніе.

4) Каково матеріальное положеніе храма и чѣмъ оно обусловливается?—

Матеріальное положеніе храма не всегда бываетъ одинаково и зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ, что должно быть показано въ церковной лѣтописи. Сюда же можно отнести матеріальное положеніе и причта, источники его дохода, усадебныя постройки, на какія средства воздвигаются послѣднія и т. д.

5) Существует ли хоръ церковный? — Значеніе церковнаго хора понятно всякому. Онъ служитъ выраженіемъ высшаго развитія религіозно — нравственныхъ потребностей духа человѣческаго. Отсутствие или паденіе его говоритъ уже о многомъ. Интересно, — къмъ положено начало хору, при какихъ условіяхъ онъ существуетъ, кто завѣдуетъ имъ и т. д...

6) Очень часто бываетъ, что священникъ, поступая на новый приходъ, начинаетъ свою дѣятельность, не зная настроенія прихожанъ, ихъ обычаевъ и нравовъ, но потомъ часто глубоко разочаровывается въ своихъ благихъ предпріятіяхъ. Въ данномъ случаѣ совѣтникомъ и помощникомъ ему можетъ быть „церковная лѣтопись“ съ своею рубрикою о бытѣ, обычаяхъ и религіозно-нравственномъ состояніи прихожанъ. Священникъ живетъ со своими прихожанами лицомъ къ лицу, и рѣдко какое явленіе среди прихожанъ ускользаетъ отъ его вниманія. Входя съ ними въ болѣе близкія отношенія, какъ отца къ дѣтямъ, онъ можетъ изучить характеръ каждаго изъ нихъ, узнать ихъ достоинства и недостатки. Конечно, вносить въ дневникъ каждую личность прихода вовсе лишне, но выразить въ общемъ свой взглядъ на прихожанъ, и указать на лица, выдающіяся особыми достоинствами или недостатками, имѣетъ смыслъ. — Особенно это важно для вновь постутившаго священника при выборахъ изъ прихожанъ на должности почителей, церковнаго старосты и т. п.

7) Небезполезно заносить на страницы церковной лѣтописи и объ отношеніяхъ прихожанъ къ храму и причту, а также о мѣрахъ, предпринимавшихся противъ всевозможныхъ пороковъ прихода, и о послѣдствіяхъ сихъ мѣръ.

и 8) Не малую пользу будетъ приносить лѣтопись церковная, если въ ней будетъ изложена судьба учреждений, имѣющихъ

отношеніе къ церкви, какъ: попечительство, школь и т. п. Относительно ихъ можно сообщать тоже самое, что и о храмѣ.

Имѣя подь рукою такую всестороннюю по содержанию лѣтопись, вновь поступившій священникъ въ состояніи сей часъ же познакомиться со своимъ приходомъ, съ положеніемъ храма, попечительства и т. п., и, сообразуясь съ этимъ, можетъ создать рѣшительный и вѣрный планъ своей дѣятельности, что предупредитъ его отъ тѣхъ крупныхъ и часто неподходящихъ мѣръ дѣйствованія, которыя нерѣдко порождаютъ непріятности въ приходѣ, а самаго дѣйствителя приводять къ полному разочарованію.

Занося безпристрастно всѣ явленія церковно-приходской жизни въ „церковную лѣтопись“ ежегодно, священникъ окажетъ этимъ великую услугу своему преемнику, а сама „церковная лѣтопись“ представитъ собою знаменательный историческій памятникъ извѣстнаго прихода.

Священникъ *Меводій Фердиковскій*.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ

ИВАНА КАРПОВИЧА ШКИТКО

(двѣ серебряныя медали).

Принимаются къ исполненію слѣдующія работы: написанія св. иконъ, отдѣлка церквей (окраска и живопись) и возобновленіе и устройство въ нихъ иконостасовъ.

Работы исполняются добросовѣстно и аккуратно.

Мастерская помѣщается въ г. РОСТОВѢ на Дону, по Казанской ул., вблизи новаго базара, д. № 83, собств.